

2017 Том 10 No. 52

Зайцева Ю.Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах

ЗАЙЦЕВА Ю.Е. СТРАТЕГИИ И СТИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ Я-НАРРАТИВАХ

English version: [Zaitseva J.E. Strategies of identity processes and identity styles in autobiographical Self-Narratives](#)

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Автобиографический Я-нарратив является базовым средством в современной культуре и основным социально-когнитивным механизмом психической деятельности по конструированию личной идентичности. Полученный нами эмпирический материал показывает, как меняются стратегии конструирования идентичности под влиянием факторов возраста, культурно-исторического периода формирования личности автора текста, а также дискурсивного контекста автобиографирования, задающего схему организации повествования во времени (из прошлого в будущее, из настоящего в прошлое и будущее, из будущего в прошлое). Под стратегией конструирования идентичности (самотождественности) нами понимается способ согласования жизненных событий во времени и в пространстве жизненных усилий субъекта и способ их смысловой атрибуции его ценностно-мотивационным, стилевым или устойчивым индивидуальным особенностям. Выборку исследования автобиографических Я-нарративов составили: 62 текста из корпуса автобиографических сочинений из БФ СИ РАН, представителей трех поколений в возрасте от 13 до 80 лет; автобиографические эссе трех типов: свободная автобиография; тематическая автобиография («Моя жизнь» и «Моя жизнь через N лет»), тематическая автобиография («Моя жизнь из 2026 года»); 43 автобиографических интервью и автобиографических эссе «Краткая история жизни» (25 человек в возрасте 18–25 лет и 18 человек в возрасте 35–55 лет). Также на этой выборке диагностировался стиль идентичности (по М.Берзонскому, ISI-5). 454 человека в возрасте от 17 до 62 лет для выявления субъективной метафоры временной перспективы жизненного пути (16 метафор, шкала Лайкерта). Обнаружено, что тематическая согласованность (по Хабермас, Блэк) Я-нарратива увеличивается с возрастом, более характерна для поколения ВВ, чем поколений X и Y, усиливается при смещении позиции нарратора в будущее (рассказ из будущего). Обнаружены дискурсивные маркеры автобиографического времени: метрики личной (внутренней) и социальной (внешней) хронографии в Я-нарративах различного типа согласованности. Выявлены особенности интеграции Я-определяющих воспоминаний и ориентации на будущее у людей различных возрастных групп, стилей идентичности. Обсуждаются стилевые особенности конструирования идентичности в эпоху постмодерна.

Ключевые слова: идентичность, автобиография, Я-нарратив, временная перспектива, нарративная согласованность, стратегия конструирования, возрастное развитие, дискурс

Понятие «идентичность» вошло в психологию в тесной связи с проблематикой времени. Э.Эриксон [Erikson, 1968] определял «эго-идентичность» не только как синхроническое единство множества социальных ролей-функций, исполняемых личностью, но и как диахроническую

самотождественность, самосогласованность Я в различные временные (жизненные) периоды. М.К.Мамардашвили [Мамардашвили, 2014] определял саму жизнь как усилие во времени. Феноменологи [Гуссерль, 1999; Джемс, 1991] убедительно показали, что аналогично гештальтам в восприятии пространства – любое событие воспринимается человеком только в контексте опыта и ожидания, растягивая наше субъективное настоящее на психическое единство «прошлое-настоящее-будущее». Это касается не только образов восприятия, но и мнемических систем. Автобиографическая память не является неким статичным резервуаром, где хранятся объективизированные отпечатки жизненных событий. Она представляет собой функциональную систему, которая обладает очень высокой пластичностью, «как текучий, постоянно приноравливающийся к целям человека процесс согласования пережитого с предвосхищаемым» [Нуркова, 2010, с. 76]. Таким образом, человек в рамках своей психической деятельности все время оперирует сложной системой репрезентации временной перспективы, в том числе в процессе рефлексии о самотождественности или изменчивости субъекта.

Основной, а по мнению когнитивных психологов [Bruner, 2004; Brockmeier, 2000], и единственной когнитивной схемой, позволяющей адекватно отразить временное измерение человеческой жизни, является нарратив. Разумеется, история, повествование – не единственная форма фиксации изменений во времени, но единственная, схватывающая *смысл* прожитого времени. Ни форма часов, ни календаря, ни хронологический, ни циклический характер отображения времени не способны на это [Bruner, 2004]. Поль Рикер неоднократно обращал внимание на данный факт: «Время становится человеческим в той степени, в которой оно артикулировано в нарративном модусе» [Рикер, 2000, с. 13]. Особенно интересна встреча в человеческом нарративе времени индивидуального, личного, феноменологического и социального, культурного, исторического. Рассказывая о своей жизни, мы имеем дело не только с тремя классическими модальностями: прошлое, настоящее, будущее время, но и с различной временной организацией физических (природных), культурных и личных процессов [Brockmeier, 2000]. Сам по себе нарратив, будучи инструментом культуры, задает языковую форму говорения о времени.

Один из способов описать культуру [Bruner, 2004] – это выявить те нарративные модели, которые используются для жизнеописания (описания жизненного пути “course of life”). А инструментарий любой культуры – не только канонические литературные жизнеописания, но события, позиции и обстоятельства, из которых человек может набрать свой жизненный нарратив. В конце концов имеющий культурную форму когнитивный и языковой процессы, которые направляют саморассказывание жизненных нарративов, достигает силы структурирования восприятия опыта, организации памяти, вычленения и построения целей самих событий жизни.

Мы сами становимся автобиографическим нарративом, посредством которого рассказываем о своей жизни.

Таким образом, автобиографический Я-нарратив в современной культуре становится базовым средством и основным социально-когнитивным механизмом психической деятельности по конструированию личной идентичности. Какие же личностные и культурные факторы оказывают влияние на то, каким именно способом мы ищем в автобиографическом нарративе ответ на вопрос «Кто Я»?

Время, идентичность, нарратив

Согласно модели Т.Хабермаса и С.Блак [Habermas, Bluck, 2000], по мере вхождения в культуру и приобретения нарративной компетентности дети последовательно учатся рассказывать «правильно структурированные истории», осваивая четыре типа временной согласованности в структуре автобиографического нарратива. К ним относятся: временная (умение выстроить события в хронологической последовательности); биографическая (умение включить в личную историю шаблоны культурно-типичных жизненных сценариев); причинно-следственная (умение отразить в истории причинно-следственные взаимосвязи событий жизни и паттерны «цель – средство») и, наконец, тематическая (умение организовать историю вокруг главной «темы», ценности или жизненного принципа, иллюстрацией к которой будет конкретное жизнеописание).

К трем годам дети учатся выстраивать личный опыт в хронологической последовательности. К пяти –

хорошо различают основные элементы тематически структурированной («не запутанной» и «интересной») истории. Между пятью и десятью годами ребенок учится каузально и тематически структурировать отдельные эпизоды своей биографии. Одновременно с этим им осваивается культурно-типичный жизненный сценарий: выделяются нормативные фазы жизни и способы обоснования причин жизненных событий. К подростковому возрасту появляется каузальная согласованность автобиографии как целого: анализ события, его последствий и трансформаций в контексте целостного жизненного пути. К этапу «зарождающейся взрослости» молодые люди готовы использовать в своих автобиографических нарративах все четыре вида согласованности, включая тематический. Нарративное понимание в связке с автобиографической памятью в этот момент начинает активно участвовать в формировании личной идентичности [Макадамс, 2008; Нуркова, 2000; Зайцева, 2017; Habermas, Bluck, 2000; Waters, Fivush, 2015; Singer, Bluck, 2015].

Авторы автобиографий объединяют события жизненного пути в целостную модель временной перспективы, используя комбинацию данных четырех паттернов нарративной согласованности. За каждым из паттернов, согласно нашим наблюдениям [Зайцева, 2016а, 2016б], стоит определенная метафора времени и пространственная образная схема временной перспективы. Непроизвольные автобиографические воспоминания, вызванные ассоциациями с настоящими событиями, как, например, в разбираемом М.К.Мамардашвили [Мамардашвили, 2014] феномене впечатления одновременно, содержат в себе наслаивающиеся друг на друга перцептивный и мнемический образы. Как метафорически описывает этот опыт поэтический дискурс, «...каждый мост – мост, каждый шаг до и после его середины отзывается гулом всех мостов, которые ты пересек, набережные врываються в грудь смутными топонимами, все это как-то называется» [Гатина, 2016]. И здесь само сходство «внешней» объектной составляющей образов впечатления позволяет лишь ярче почувствовать сходства или различия во «внутренней», субъектной их составляющей. Именно одновременное удержание, наслоение в ментальном пространстве нескольких образов психической деятельности позволяет осуществить подобное самокатегоризирование. При этом полное погружение в «автоноэзис» [1] переживания ушедших событий не позволит развернуться данному рефлексивному процессу.

Разумеется, не всегда воспоминания и впечатления позволяют осознанно отрефлексировать значимые элементы личной идентичности. Подчас они остаются яркими эмоционально и сенсорно насыщенными картинками, элементами, несущими в большей степени чувственный, чем смысловой, культурно-опосредованный опыт. Однако ряд воспоминаний начинает приобретать характер «Я-определяющих», осознанно включаемых личностью в канву автобиографирования [Blagov, Singer, 2004; Singer, Blagov et al., 2013]. Эти жизненные эпизоды переживаются как требующие рефлексии с точки зрения отождествления и/или различения субъекта их проживания в его психологической реальности. К ним могут относиться и события, вызвавшие сильную эмоциональную реакцию (травматические, стрессовые, шокирующие, экзатические, вершинные переживания), но не получившие своего осмысления и интеграции в логику идентичности; и прототипичные воспоминания, отражающие элементы культурно-нормативного жизненного сценария («я как и все прочие...» / «я как никто другой...»); и наконец, события, позволяющие проследить яркие различия между «Я – до» и «Я – после» или оценить наличие ключевого сходства с самим собой «Я как и всегда» [2]. Такая деятельность становится доступной только по мере освоения определенных культурных инструментов, в первую очередь – речевых и коммуникативных.

Автобиографирование как коммуникативная (дискурсивная) практика предполагает, что такие элементы, как 1) отбор значимых жизненных событий для включения в структуру Я-нарратива согласно определенным ценностным ориентирам («валюациям» по Г.Хермансу [2006–2007]), 2) способ их нарративной репрезентации, а также 3) использование определенной когнитивной схемы согласования эпизодов во времени могут быть обусловлены дискурсивным контекстом [Зайцева, 2016а, 2016б]. Этот контекст могут обуславливать как непосредственные участники коммуникации (интервьюер), так и воображаемые собеседники (аудитория, к которой обращается нарратор в письменной автобиографии) или значимые другие, опыт коммуникации с которыми составляет основную структуру нарративной идентичности автора [Херманс, 2006–2007; Макадамс, 2008], а также в целом ценностный дискурс, характерный для эпохи создания жизнеописания. Кроме того, принадлежность к определенному поколению [Strauss, Howe, 1997; Теория поколений в России. <https://rugenerations.su/>], в прецедентных текстах [Сапогова, 2002] респондент воспитывался, привычные для него языковые паттерны могут задавать формы создания автобиографического Я-

нарратива, согласующиеся или противоречащие принятым в современной культуре формам автобиографирования.

Основной *целью* нашего эмпирического исследования было выявление связи стратегий конструирования идентичности с факторами возраста, культурно-исторического периода формирования личности автора текста, а также дискурсивного контекста автобиографирования, задающего способ организации повествования во времени (из прошлого в будущее, из настоящего в прошлое и будущее, из будущего в прошлое).

Под *стратегией конструирования идентичности* (самотождественности) нами понимался способ согласования жизненных событий во времени и в пространстве жизненных усилий субъекта и способ их смысловой атрибуции его ценностно-мотивационным, стилевым или устойчивым индивидуальным особенностям.

Основными *зависимыми переменными* выступали доминирующий тип глобальной нарративной согласованности автобиографии по Т.Хабермас, С.Блак, когнитивные схемы репрезентации временной перспективы жизненного пути и интегрированность Я-определяющих воспоминаний людей различных поколений, возрастных групп, дискурсивных моделей конструирования жизнеописания.

Методы

Выборка

Выборку исследования автобиографических Я-нарративов и жизненных сценариев представителей различных поколений составили 62 текста из корпуса автобиографических сочинений (свободных и тематических), собранных Биографическим фондом Социологического института РАН.

Рассматривались автобиографические эссе трех типов: 1-й – свободная автобиография; 2-й – тематическая автобиография («Моя жизнь» и «Моя жизнь через N лет»), 3-й – тематическая автобиография («Моя жизнь из 2026 года»), отражающие три дискурсивные модели организации повествования во времени.

1-й тип – рассказ «из прошлого в настоящее», позиция нарратора – в прошлом или в настоящем; 2-й тип – рассказ «из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее», позиция нарратора – в настоящем; 3-й тип – рассказ «из прошлого в будущее», позиция нарратора – в будущем.

Распределение автобиографий

16 текстов из собранных в 1990-е годы – большинство текстов 1-го типа; 26 из собранных в 2000-е – большинство 2-го типа; и 20 – в 2010-е – 3-й тип. В каждой группе были представлены жизненные истории представителей трех поколений [Strauss, Howe, 1997], чьи года рождения: 1943–1963 (поколение ВВ) – 16 текстов; 1964–1983 (поколение X) – 18 автобиографий; 1984–2003 (поколение Y) – 28 автобиографий.

43 автобиографических интервью, собранных в 2016 году: 25 человек (10 мужчин и 15 женщин) в возрасте 18–25 лет (1991–1999 года рождения, поколение Y) и 18 человек (4 мужчины и 14 женщин) в возрасте 35–55 лет (1961–1981 года рождения, поколение X). Помимо данных интервью, каждый из респондентов предоставлял краткую письменную автобиографию (20 мин., лист А4), охватывающую прошлое, настоящее и предполагаемое будущее: «Краткая история жизни», проводилась диагностика стиля идентичности (ИСИ-5, Берзонского [Зайцева, Исаева, 2015]).

454 человека в возрасте от 17 до 62: 25% – становящаяся взрослость; 54,4% – ранняя взрослость; 18,3% – средняя взрослость; 2,4% – поздняя взрослость (83% – ж.; 13% – м.) для субъективной оценки метафоры, репрезентирующей время жизни (16 метафор, 5-балльная шкала Лайкерта).

Методы обработки и анализа данных

Кодирование типа временной согласованности проводилось по 7-балльной шкале для каждого из типов согласно модифицированной кодировочной инструкции [Allé et al., 2015] тремя независимыми экспертами. Согласованность оценок трех независимых экспертов проверялась на 30% выборки, все спорные случаи выносились на групповое обсуждение. Экспертиза клинического психолога позволила исключить из экспериментальной выборки все тексты, содержащие возможные признаки психопатологии или явной акцентуированности личности автора. На этапе количественного анализа (MANOVA, U-Манна–Уитни, Rs Спирмена, H-Краскела–Уоллеса) использовался пакет программ IBM SPSS Statistics 21.

Результаты

Доминирующий тип глобальной нарративной согласованности у людей различных поколений, возрастных групп, дискурсивных моделей конструирования жизнеописания

Авторы автобиографий объединяют события жизненного пути в целостную модель временной перспективы (прошло-настоящего-будущего), используя комбинацию следующих четырех паттернов нарративной согласованности: временная или темпоральная (хронологическая последовательность, «Что и когда случилось со мной в жизни?»); биографическая (культурный жизненный сценарий, «Чем я и моя жизнь схожи и отличны от жизни других людей?» «Все ли я успел вовремя?»); каузально-мотивационная связь (динамика индивидуальности в связи с событиями жизни, «Как и почему я изменился в течение жизни?»); тематическая организация (отбор событий, подчеркивающий единство ценностной темы, пронизывающей жизнь человека, устойчивость его намерений и личностных свойств, «В чем я всегда оставался самим собой? Что объединяет все события моей жизни? Ради чего я жил?»). Всего 3% выборки продемонстрировали «чистую» тематическую согласованность (с низкими показателями по остальным типам); еще 10% – высокую каузальную и тематическую при высокой темпоральной и биографической. Чаще всего (27%) встречались высокая темпоральная и биографическая при низкой каузальной и тематической; 15% – высокая тематическая и биографическая при низкой каузальной и темпоральной; и 13% – высокая биографическая при низких остальных.

Нарративная структура, отражая опыт коммуникации, выстраивается постепенно, усложняясь и закрепляясь с возрастом. В отношении внутренней структуры временной согласованности были получены следующие закономерности: тесная прямая взаимосвязь темпорального и биографического типа нарративной согласованности ($R_s = 0,653$, $p < 0,0001$) и каузального с тематическим ($R_s = 0,35$, $p = 0,005$). Корреляционный анализ показал прямую взаимосвязь возраста с выраженностью тематической согласованности ($R_s = 0,574$, $p < 0,0001$) и обратную – с темпоральной, хронологической ($R_s = -0,27$, $p = 0,034$) (см. рис. 1).

Представленность различных типов согласованности в разных возрастных группах существенно различалась (Краскел–Уоллес, $p = 0,06$). Наибольшие различия были обнаружены между группами подростков (13–16 лет) и взрослых в период средней (41–60 лет) и старшей (более 60 лет) взрослости ($F = -2,2$, $p = 0,003$; $F = -2,95$, $p = 0,013$ соответственно). В подростковом возрасте чаще встречались автобиографии с высокой темпоральной и/или биографической и низкими каузальной и тематическими согласованностями; в период средней взрослости (40–61) преобладали высокая тематическая и биографическая (с добавлением тематической) и низкая каузальная; высокая каузальность оказалась более свойственна представителям возраста становящейся и ранней взрослости (17–23 и 24–40).

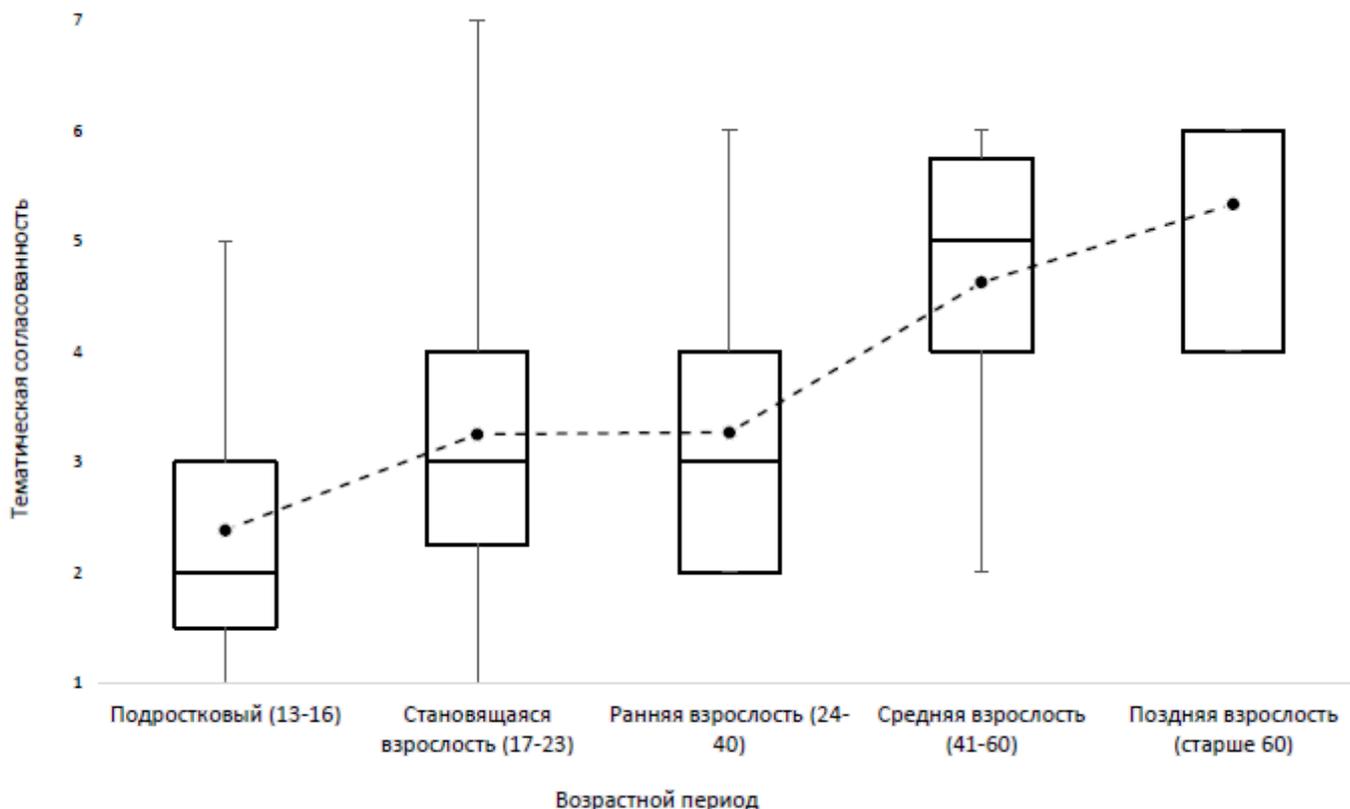

Рис. 1. Выраженность тематической согласованности в Я-нарративах в зависимости от возраста (N = 62).

Многофакторный дисперсионный анализ факторов, влияющих на нарративную стратегию конструирования идентичности, показал статистически значимые различия на уровне тематической согласованности ($F = 2,2$, $p = 0,013$).

Среди поколения 1943–1963 было больше людей, продемонстрировавших тематическую согласованность, чем среди рожденных в 1963–1983 ($p = 0,03$) и по сравнению с рожденными в 1983–2003 ($p = 0,003$). Статистически значимых различий между представителями двух других поколений обнаружено не было.

Наиболее существенные различия были обнаружены при совместном учете факторов пола и возраста ($F = 3,5$, $p = 0,066$) и факторов пола и дискурсивной модели автобиографии ($F = 4,2$, $p = 0,045$).

Анализ дискурсивных моделей показал, по апостериорным критериям среди описывавших свободную автобиографию было меньше тематически согласованных текстов, чем среди писавших в модели «Моя жизнь и моя жизнь через N лет»; а в модели «Моя жизнь из 2026 года» больше, чем в модели «Моя жизнь и моя жизнь через N лет» ($p = 0,04$).

Когнитивные схемы репрезентации временной перспективы жизненного пути при различных типах временной согласованности, в разных возрастных группах

Автобиографическое время в тексте Я-нарратива представляет собой сложную комбинацию нескольких «временных» измерений: 1) внутреннего, личного, феноменологического и 2) внешнего, социально-культурного, исторического; некоторые тексты также носят отражение «снятого» вневременного экзистенциального понимания времени. Были обнаружены следующие дискурсивные маркеры, отражающие указатели этих измерений в зависимости от типа нарративной согласованности:

– для *временной, темпоральной* согласованности характерно использование слов «до», «после», «затем», «потом» для обозначения внутреннего, личного времени и указание на объективную хронологическую дату события (число, месяц, год) для внешнего, социального (включающего других людей);

– для *биографической* – описание внутреннего времени через *возраст*; а внешнего – через *этапы социализации (классы школы, курсы вуза)* и ключевые *инициации*, события *культурного жизненного сценария* (рождение ребенка, поступление в вуз, окончание школы, смена работы, замужество) в качестве обозначения начала и окончания жизненного периода. Также встречается логика указания на *нормативное соответствие («как все»)* / *нарушающее норму несоответствие («рано», «поздно»)* культурному жизненному сценарию для человека, обладающего определенным возрастом и социальным статусом (социальной идентичностью);

– для *каузально-мотивационной* – описание внутреннего времени включает *меру жизненных усилий* терпения, ожидания или скорости приближения к желаемой цели, а внешнего – *метрику длительности (в днях, месяцах, годах)*. Появляется *индивидуальная периодизация*, началом и окончанием промежутков времени в которой являются точки «переломных» воспоминаний: жизненных выборов или ударов / вызовов судьбы;

– для *тематического* – характерно появление в дискурсе *понятий «всегда», «в течение всей жизни», «никогда», «раз за разом», «(н)и тогда, (н)и сейчас»*; встречаются соотнесения с *общекультурным, историческим* временем (значимые события коллективной памяти, понятия «век», «эпоха», «рубеж времен»). Концепт судьбы приобретает *вневременной характер экзистенциального времени*. Обсуждается тема субъекта и авторства, события жизненного пути оцениваются в перспективе «ценностной вертикали» – «жизненный взлет», «падение», и *темпо-ритмического рисунка* – «период застоя», «остановка», «рывок», «насыщенное время», «время резких поворотов», «замедление», «ускорение». Взгляд на жизненный путь – «сверху».

Заметным эмпирическим показателем сформированности тематической согласованности автобиографического Я-нарратива выступала способность и самостоятельная инициатива по придумыванию названия своей автобиографии. Как правило, при высоком уровне тематической согласованности текста в данном названии метафорически отражалось отношение автора к основной теме нарратива, интегрированной ценности, иллюстрацией которой и выступало жизнеописание.

Анализ субъективной метафорической репрезентации времени жизни у представителей различных возрастных групп методом шкальной самооценки 16 метафор времени, выбранных в результате дискурс-анализа текстов автобиографий (по четыре наиболее типичные для каждого типа нарративной согласованности) показал, что наиболее часто в целом по выборке время жизни у респондентов ассоциируется с понятиями «ценность и ресурс», «изменения», «хронология событий», «путь», «периоды»; реже всего встречались такие описания, как «эффективность» и «своевременность приложения усилий», а также «скорость приближения к цели». Наибольшие различия (по данным одномерного дисперсионного анализа и непараметрического критерия Краскела–Уолеса (при неравенстве дисперсий), N = 454: 25% – становящаяся взрослость; 54,4% – ранняя взрослость; 18,3% – средняя взрослость; 2,4% – поздняя взрослость) наблюдались между возрастом становящейся взрослости и ранней и средней взрослости. Гораздо чаще время жизни ассоциировалось в период 17–23 лет с «изменением», «столкновением с будущим», «перспективой», «эффективностью», «скоростью приближения к цели», «последовательностью», а также с «путем», «хронологией событий». Для периода ранней взрослости и окончания периода становящейся взрослости характерно все большее усиление тем «сроков, дедлайнов», а также «терпения и ожидания».

Интегрированность Я-определяющих воспоминаний и ориентация на будущее у людей различных возрастных групп, стилей идентичности

Были обнаружены также различия в характере интегрированности Я-определяющих воспоминаний в разных возрастных группах. Взрослые (35–55 лет) дают более обобщенные и лаконичные описания, используют значительно меньшее количество слов для Я-определяющих воспоминаний (Манн–Уитни, $p = 0,02$). Повествования подростков и молодых людей (18–25 лет) чаще наполнены эмоциональными

эпитетами, фиксацией на переживании, а не на осмыслении и ценностной интеграции опыта ($p = 0,003$). Чем старше человек, тем меньше слов он использует и для описания будущего ($r = 0,316$, $p \leq 0,05$). Наиболее типичное описание будущего у молодых людей связано с позитивной реализацией типичного культурного жизненного сценария (основные темы: семья, поиск себя, профессиональное развитие), взрослого – различается в зависимости от сформированности стиля конструирования идентичности (для типичного информационного стиля (по М.Берзонскому [см. Зайцева, 2016с]), характерно стремление к экспансии, расширению личного жизненного пространства, поиск новизны; для нормативного – передача наследия, упрочнение связей со значимыми другими, самореализация через достижения значимых других; для диффузного – открытость новому опыту, чудесные преобразования в жизни, гедонизм).

Обсуждение результатов

Нами были выявлено, что тематическая согласованность (по Хабермас, Блук) Я-нарратива увеличивается с возрастом, более характерна для поколения ВВ, чем поколений Х и Y, усиливается при смещении позиции нарратора в будущее (рассказ о прошлом из точки воображаемого будущего). Обнаружены дискурсивные маркеры автобиографического времени: метрики личной (внутренней) и социальной (внешней) хронографии (описания событий во временной перспективе) в Я-нарративах различного типа согласованности. Отражены особенности интеграции Я-определяющих воспоминаний и перспективы будущего в автобиографиях людей различных возрастных групп, стилей идентичности. Более детализированный анализ конкретных факторов и их сочетаний мы предпочли бы отложить до этапа создания интегрированной качественно-количественной модели, отражающей меру воздействия каждого из описанных выше факторов, остановившись пока на общей теоретической модели, см. рис. 2.

Рис. 2. Основные факторы, оказывающие влияние на выбор стратегии конструирования личной идентичности.

Анализируя отдельные полученные результаты, следует отметить, что, несмотря на общее подтверждение известной тенденции [Habermas, Bluck, 2000; Waters, Fivush, 2015; Макадамс, 2008] к усилению тематической согласованности с возрастом, нами были обнаружены детализированные данные о доминирующем типе согласования и особенностях когнитивной репрезентации временной перспективы на различных возрастных этапах развития, присущие автобиографиям наших современников с учетом их культурно-исторического «бэкграунда». Влияние фактора принадлежности к поколению на частотность тематической согласованности показывает тенденцию снижения дискурсивного требования к ценностной интегрированности жизнеописания и в общем к цельности, самоидентификации индивидуальности как таковой, отражая культурные маркеры эпохи постмодерна [Зайцева, 2016а; 2016с].

Получило первое подтверждение и наше предположение о возможности опосредования временной согласованности (а значит, и стратегии конструирования идентичности) заданием дискурсивной модели временной организации повествования: позиция нарратора совпадает с временной позицией

героя; нарратор ориентирован на точку настоящего в последовательной интеграции «прошлого с настоящим» и «настоящего с будущим»; нарратор ориентирован на точку будущего и вынужден выстраивать повествования через непосредственную связь «прошлого с будущим», тем самым усиливая «растяжение души» (по П.Рикеру [Рикер, 2000]). П.Рикер пишет [Рикер, 2000, с. 38], опираясь на сравнение и сопоставление «Исповеди» Августина и «Поэтики» Аристотеля: «... напряженная сосредоточенность внимания есть активность (темп, ритм) перехода от того, что будет в будущем, к тому, что становится прошлым. Именно это действие, составленное из ожидания, памяти и внимания, "движется дальше и дальше"». Экзистенциальное измерение идентичности начинает проявлять себя в том, что чем более интенциональная активность субъекта противопоставляет себя пассивности, тем более «растяжение души» на прошлое, настоящее и будущее. Душа «растягивается» по мере того, как она «напрягается». Тем самым мера субъектности идентичности проявляется через два измерения автобиографирования: 1) через моральную ответственность героя и 2) через его интенциональное «растяжение» во времени в будущее и накопление опыта прошлого. Карр [Carra, 1986] утверждал, что жизненная история – это, во-первых, объединение отдельных историй вместе, во-вторых, присвоение их как «моих», и в-третьих – установление связей между ними. Все это позволяет понять героя повествования как ответственного мотивированного субъекта жизненной драмы. Кьеркегор [Кьеркегор, 2011] пишет, что именно через акт автобиографирования мы становимся моральными существами, присваивая свои поступки. Мы начинаем отвечать за свою жизнь, рассказывая ее историю. Рикер в своей концепции нарративной идентичности сделал эту ответственность центральным пунктом, утверждая, что Я возникает только в процессе рассказывания своей жизненной истории [Рикер, 1998]. Будучи социально-культурным механизмом, данная практика может быть использована психологами для диагностики и терапевтической консультационной работы, в том числе с ситуациями травмы («разрывами от чрезмерного натяжения души»), требующими перерасказывания личной истории «с чистого листа».

Является ли по-прежнему идеал субъекта – автора своей жизни, несущего моральную ответственность за все события и поступки, способного к максимальному «растяжению души» на далекое будущее и далекое прошлое, имеющего устойчивое представление о себе в контексте мотивов, ценностей, устойчивых личностных черт и стилевых особенностей, готового к будущим самостоятельным решениям – присущим современному дискурсу? С одной стороны, полученные нами данные об особенностях интеграции значимых Я-воспоминаний могут свидетельствовать об увеличении с возрастом смыслового способа интеграции событий жизни, привязки его к образу Я, по сравнению с исключительно эмоциональным, подчас с элементами руминации, чувственным переживанием жизненного опыта молодыми людьми. В то же время мы можем говорить о тенденциях закрепления определенных стратегий конструирования собственной идентичности в стилевые особенности схемы усвоения личного опыта, прогнозирования и планирования будущего. Работы О.О.Савиной [Савина, 2016], исследовавшей становление идентичности у современных подростков и юношества, показывают, что устойчивость представлений о себе во времени и готовность к принятию самостоятельных решений в жизни являются основными показателями становления идентичности как «совокупности представлений субъекта о себе, собственном пути развития, сопровождающемся ощущением непрерывности, тождественности, владения собственным Я» [Там же. С. 259].

С другой стороны, только лонгитюдные исследования позволят определить, является ли полученный нами результат свидетельством возрастных или культурно-исторических сдвигов. В частности, особенности современного диффузного стиля конструирования идентичности с большой вероятностью распадаются на два отдельных кластера, лишь один из которых свидетельствует о «незрелости» личности, второй же отражает принципиальную позицию субъекта – открытость идентичности к изменениям.

Мы полагаем, что выявленные нами метрики хронографирования и дискурсивные способы репрезентации их в тексте автобиографии позволят более детально различить эти стратегии современного конструирования самоидентичности, благодаря изучению когнитивных механизмов ментальной репрезентации автобиографического времени [Brockmeier, 2000] людей с различными стилями идентичности. Основным когнитивным механизмом подобной репрезентации мы полагаем базовые образные (сенсомоторные) схемы [Johnson, 1990], которые лежат в основе метафорической репрезентации времени жизни при различных стратегиях согласования жизненных событий во времени и в пространстве жизненных усилий субъекта. Полученный нами в этой работе классификатор позволит нам перейти к количественному их анализу.

Заключение

Наиболее важным результатом настоящей работы для нас явилась возможность показать на примере исследования стратегий и стилей конструирования идентичности, как «совпадение единственного жизненного цикла с единственным сегментом истории» [Эрикссон, 1996, с. 151], интегрированное в повествовании в собственное автобиографическое время, порождает динамическую модель нашего уникального Я. Наше тождество с самим собой, наша идентичность – не данность, с которой мы рождаемся и умираем, но результат нашей жизни и нашей работы над ее осмыслением, невозможный вне культуры, ее инструментов и других людей, которым мы рассказываем нашу жизненную историю.

Выражение признательности

Автор выражает благодарность Аванесян М.О., Ивановой Н.А., Исаевой А.Н. за помощь в сборе и первичной обработке качественных данных.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 15-36-01357 «Метафоры времени и пространства в жизненных сценариях и Я-нарративах людей различных поколений».

[Литература](#)

Гатина Д. Правила грузоперевозок. Фимбулвинтер. Новое литературное обозрение, 2016, 138(2).
<http://www.nlobooks.ru>

Гуссерль Э. [Husserl E.] Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 1999. Т. 1.

Джемс В. [James W.] Психология. М.: Педагогика, 1991.

Зайцева Ю.Е. Я-нарратив как инструмент конструирования идентичности: экзистенциально-нарративный подход. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16, Психология. Педагогика, 2016а, No. 1, 118–136.

Зайцева Ю.Е. Образные схемы репрезентации временной перспективы в структуре автобиографических Я-нарративов. В кн.: Седьмая международная конференция по когнитивной науке, Светлогорск, 20–24 июня 2016. М.: Институт психологии РАН, 2016б. С. 275–276.

Зайцева Ю.Е. Модель нарративного анализа стиля идентичности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16, Психология. Педагогика, 2016с, No. 4, С. 6–22.

Зайцева Ю.Е. Общий психологический практикум. Личность: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. университет, 2017.

Исаева А.Н., Зайцева Ю.Е. Временная перспектива и смысложизненные ориентации молодых людей с различными стратегиями конструирования идентичности. В кн.: Тенденции развития науки и образования: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф., Самара, 25 декабря 2015. Самара: Л-Журнал, 2015. С. 31–41.

Кьеркегор С.О. [Kierkegaard S.A.] Или – или: фрагмент из жизни: в 2 ч. СПб.: Амфора, 2011.

Макадамс Д.П. [McAdams D.P.] Психология жизненных историй. Методология и история психологии, 2008, 3(3), 135–166.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014.

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.

Нуркова В.В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2010, 7(2), 64–82.

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта. Психологические исследования, 2012, 5(25), 1. <http://psystudy.ru>

Рикёр П. [Ricoeur P.] Время и рассказ. СПб.: Университетская книга, 2000.

Савина О.О. Особенности становления идентичности в подростковом возрасте. В кн.: Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы: Сб. науч. тр. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 258–274.

Сапогова Е.Е. Семейный нарратив как прецедентный текст для ребенка. В кн.: Социокультурная герменевтика: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Социокультурная герменевтика: теоретико-методологическое обоснование в контексте развития толерантности», Кемерово, 6–22 января 2002. Кемерово: Графика, 2002. С. 97–101.

Херманс Г.Й.М. [Hermans H.J.M.] Личность как мотивированный рассказчик: теория валюации и метод самоконфронтации. Постнеклассическая психология: журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода, 2006–2007, 3(1), 7–53.

Allé M.C., Potheegadoo J., Köber C., Schneider P., Coutelle R., Habermas T., Danion J.-M., Berna F. Impaired coherence of life narratives of patients with schizophrenia. *Scientific Reports*, 2015, Vol. 5, 1. doi:10.1038/srep12934

Avanesyan M.O., Khaibrakhmanova E.Yu. Cognitive abilities and creating metaphorical names. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016, 9(2), 97–111.

Blagov P., Singer J. Four dimensions of self-defining memories (specificity, meaning, content, and affect) and their relationships to self-restraint, distress, and repressive defensiveness. *Journal of Personality*, 2004, 72(3), 481–512.

Brockmeier J. *Autobiographical time. Narrative Inquiry*, 2000, 10(1), 51–73.

Bruner J. *Life as narrative. Social Research*, 2004, 71(3), 691–710.

Carr D. *Time, narrative and history. Bloomington: Indiana University Press*, 1986.

Erikson E.H. *Identity: Youth and crisis. New York, NY: Norton*, 1968.

Fivush R. *Owning experience: Developing subjective perspective in autobiographical narratives. In: C. Moore, K. Lemmon (Eds.), The self in time: Developmental perspectives. Mahwah: Erlbaum*, 2001. pp. 35–52.

Habermas T., Bluck S. *Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. Psychological Bulletin*, 2000, 126(5), 748–769.

Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago: The University of Chicago*, 1990.

McAdams D.P. *Biography, narrative, and lives: An introduction. In: D.P. McAdams, R.L. Ochberg (Eds.), Durham Psychobiography and life narratives [Special issue]. Journal of Personality. Durham: Duke University Press*, 1988. pp. 1–18.

Singer J., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: narrative identity in personality and psychotherapy. *Journal of Personality*, 2013, 81(6), 569–582.

Singer J.A., Bluck S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning. *Review of General Psychology*, 2015, Vol. 5, 91–99.

Strauss W., Howe N. *The fourth turning: an american prophecy: what the cycles of history tell us about america's next rendezvous with destiny*. New York, NY: Bantam Doubleday Dell, 1997.

Waters T., Fivush R. Relations between narrative coherence, identity, and psychological well-being in emerging adulthood. *Journal of Personality*, 2015, 83(4), 441–451.

Примечания

[1] Термин Э.Тулвинга – переживание несомненной достоверности актуализируемого опыта воспоминаний, субъективного «путешествия во времени» [цит. по: Нуркова, 2008].

[2] В.В.Нуркова [Нуркова, 2000] описывает четыре типа событий, отражающихся в автобиографической памяти: 1) яркие – эмоционально насыщенные, детализированные, конкретные «живые картины» прошлого с эффектом присутствия; 2) важные – связанные с жизненно важной темой, концепцией судьбы или культурно-нормативным биографическим этапом жизненного сценария; 3) переломные – события значимых изменений личности или траектории жизни; 4) характерные – метафоры, отражающие типичные события, проясняющие и иллюстрирующие характерные особенности личности, последние часто являются сконструированными «ложными» воспоминаниями.

Поступила в редакцию 29 октября 2016 г. Дата публикации: 27 апреля 2017 г.

[Сведения об авторе](#)

Зайцева Юлия Евгеньевна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: J.E.Zaitseva@spbu.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Зайцева Ю.Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах. *Психологические исследования*, 2017, 10(52), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Зайцева Ю.Е. Стратегии и стили конструирования идентичности в автобиографических Я-нарративах // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10, № 52. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1402-zaytceva52.html>

[К началу страницы >>](#)